DOI: 10.30842/ielcp230690152662

Л. Г. Печатнова
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
pechatnova@mail.ru

ТРАДИЦИЯ О ‘*ДРОГНУВШИХ*’ В СПАРТЕ[1]

В статье рассматривается система наказаний за трусость, проявленную в бою спартанскими гражданами. Немногочисленные источники не дают возможности определить, насколько часто это наказание применялось в Спарте и как конкретно оно оформлялось. У Ксенофонта в «Лакедемонской политии» дан перечень наказаний, как формальных, так и неформальных, накладываемых на так называемых ‘дрогнувших’. Но отсутствие в традиции конкретных примеров подобных наказаний приводит к выводу, что картина, нарисованная Ксенофонтом, не полностью соответствует действительности. Это то, что хотела предъявить внешнему миру спартанская пропаганда. В действительности традиция скорее свидетельствует об отказе спартанских властей наказывать своих граждан за трусость, особенно в тех случаях, когда ‘дрогнувших’ оказывалось слишком много.

Ключевые слова: Спарта, спартиаты, Геродот, Фукидид, Плутарх, *атимия*, ‘*дрогнувшие*’.

L. G. Pechatnova
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. pechatnova@mail.ru

The tradition about the ‘*tremblers*’ in Sparta

The article deals with the tradition of the so-called *tremblers* — that is how those who showed cowardice in combat conditions were called in Sparta. In his *Lacedaemonion Politeia*, Xenophon lists the punishments that were applied to cowards in Sparta. Still, this information is abstract, lacks any specific examples, and can be therefore considered of questionable reliability. Only one positive example of the application of punishment for cowardice has been preserved in the tradition (Aristodemus in Herodotus). The other three cases are not related to personal, but to mass manifestations of cowardice (the capture of 120 Spartans on Sphacteria, 300 survivors after Leuctra, several hundred after the defeat at Megalopolis). According to tradition, all of them were either rehabilitated and fully restored in their rights, or were not punished at all. Apparently, the system of punishments applied to the *tremblers* in the form described by Xenophon has never been put into practice. This severity is what Spartan propaganda wanted to present to the outside world. Evidently, the story of the punishments applied in Sparta is part of the general semi-utopian project that Xenophon presented in his *Lacedaemonion Politeia*. In

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00455.

real life, certain punishments were applied to cowards, of course, but very carefully and selectively, in accordance with the circumstances and especially with the number of *tremblers*. Collective cowardice was not punished. The example of the *tremblers* shows to what extent reality did not coincide with the Spartan myth, created inside Sparta and picked up by laconophiles, like Critias or Xenophon, about the desire of the Spartans to die fighting for their homeland.

Keywords: Sparta, Spartans, Herodotus, Thucydides, Plutarch, *atimia*, *'tremblers'*.

В Спарте трусость, проявленная в боевых условиях, считалась большим преступлением и подлежала наказанию, в том числе и судебному. Последствия трусости как для самого спартанца, так и для всей его семьи были чрезвычайно тяжелыми. К воинам, проявившим трусость, применялся термин οἱ τρέσαντες, что можно перевести как 'дрогнувшие' или 'убоявшиеся' (лат. tresantes). Плутарх считает этот термин типично спартанским и определяет его как 'проявившие трусость в бою' (οἱ ἐν τῇ μάχῃ καταδειλιάσαντες — Plut. *Ages*. 30, 2; ср. *Lyc*. 21, 2) (Ducat 2006: 7).

Традиция о 'дрогнувших' вполне надежна, она восходит к Тиртею, Геродоту и Ксенофонту. Правда Тиртей, судя по контексту, использовал слово τρέσαντες, скорее всего, в его обычном еще не специальном значении (fr. 11 West, 14: τρεσάντων δ' ἀνδρῶν πασ' ἀπόλωλ' ἀρέτη — досл. «если мужи дрогнули, то вся их доблесть погибла»). По мнению Ж. Дюка, во времена Тиртея такой институции еще не было. Но благодаря исключительной популярности поэзии Тиртея это слово стало общеупотребительным и приобрело в Спарте значение технического термина (Ducat 2006: 8–10).

Правда, Фукидид и Ксенофонт этот термин не используют, но они, за редким исключением, вообще избегают употреблять местные чисто спартанские наименования. Единственные исторические эпизоды, где термин οἱ τρέσαντες встречается, — это сообщения Геродота о Фермопилах (VII, 7, 231) и Плутарха о Левктрах (Ages. 30, 2).

В научной литературе наилучшим образом тема 'дрогнувших' разработана в статье В. Эренберга из Реальной энциклопедии (Ehrenrerg 1937: 2292–2297**)** и в обширном исследовании Жана Дюка (Ducat 2006: 1–57). Само понятие 'дрогнувшие', видимо, появилось в конце VII в.[2] у Тиртея (fr. 11 West 14–16).

[2] Здесь и далее все даты даны до н. э., если нет других указаний.

А последний раз *атимия* за трусость угрожала части спартанцев после битвы при Мегалополе в 331 г. (Diod. XIX, 70, 5)

Из-за расплывчатых формулировок в источниках нет ясного представления о том, как оформлялся статус ‘дрогнувшего’. Признанные трусами, скорее всего, приговаривались судом к атимии **(**ἀτιμία**)**, т. е. полному или частичному поражению в правах и становились таким образом ἄτιμοι, т.е. пораженными в правах. О том, что ‘дрогнувшие’ в судебном порядке подвергались атимии, свидетельствует Плутарх в своем рассказе о судьбе спартанцев, выживших после поражения при Левктрах (371). По его словам, спартанцы «не решались применить атимию, положенную по законам (τὰς ἐκ τῶν νόμων ἀτιμίας), к тем гражданам, которые проявили трусость в сражении» (*Ages*. 30, 2; здесь пер. Л. Г. Печатновой).

Но, кроме судебного приговора, οἱ τρέσαντες испытывали и сильнейшее моральное давление со стороны спартанского общества, абсолютно нетерпимого к проявлению трусости, и это, видимо, было намного хуже официальных потерь и лишений.

Трудно сказать, каких именно гражданский прав лишались спартиаты, обвиненные в трусости. Отчасти ответы на этот вопрос следует искать у Ксенофонта. В «Лакедемонской политии» он посвящает довольно большой отрывок перечислению тех наказаний, которым подвергались трусы в Спарте.

Попробуем прокомментировать этот самый важный для нашей темы источник. Ксенофонт упоминают ряд запретов, накладываемых на ‘дрогнувших’. Среди них запрет занимать какие-либо магистратуры и, возможно, запрет посещать сисситии (*Lac. pol*. 9, 4). Но государство вряд ли вмешивалось в отношения между членами одной и той же сисситии. Решение на этот счет, скорее всего, принимали члены того обеденного клуба, чьим участником был трус. Вероятно, проводилось голосование по тому же образцу, как и избрание новых членов (Plut. *Lyc*. 12, 9–11). Отвергнутый должен был покинуть сисситию, и вряд ли он имел шанс вступить в какую-либо другую столовую корпорацию. Тем самым ‘дрогнувший’ *de facto* превращался в гипомейона. Само название — гипомейоны (ὑπομείονες) [3] ,

[3] Категория спартанских граждан, лишенных части своих политических и гражданских прав. Кроме бедности любая физическая или

«граждане второй категории». Внутренняя форма слова т. е. «младшие», «меньшие» прекрасно отражает их статус.

‘Дрогнувший’ также лишался права участвовать в любых спортивных играх и соревнованиях. Из-за лаконичности текста Ксенофонта непонятно, распространялся ли этот запрет на официальные соревнования или только на спонтанные уличные игры. Ответить однозначно на этот вопрос не представляется возможным, хотя он не раз обсуждался в научной литературе (Ducat 2006: 19–20). Если учесть, что ежедневное времяпровождение любого спартиата проходило «на людях», а не в приватном уединении, то такие формы исключения, как изгнание ‘убоявшегося’ из обеденного клуба и гимнасия и отказ принимать его в любые командные игры лишали несчастного тех благ, которые были открыты для всех остальных полноправных граждан. Он, по сути дела, оказывался в почти полной социальной изоляции.

Важно отметить, что за ‘убоявшимся’ оставалось право на участие в государственных празднествах, таких как Гимнопедии, где в течение нескольких дней хоры старцев состязались с хорами мальчиков и мужей. Однако и тут были для ‘убоявшегося’ ограничения. По словам Ксенофонта, «во время праздничных хоров его загоняли на самые позорные места» (*Lac. pol.* 9, 5). Видимо, руководитель хора ставил его на определенное место, соответствующее его низкому социальному статусу. Поскольку хоры на Гимнопедиях формировались по возрастному принципу, то, скорее всего, убоявшегося помещали рядом с самой младшей группой. Благодаря месту, занимаемому в хоре, очевидным для всех становилось позорное положение труса. Возможно, полный запрет на участие в праздничных церемониях был бы для ‘убоявшегося’ более легким наказанием, чем публичная демонстрация его униженного состояния. Допуск к участию в праздничных хорах — любопытное свидетельство того, что система исключения из общественной жизни для ‘убоявшегося’ не была полной, так что он не был радикальным изгоем, хотя, как заметил Ж. Дюка, двусмысленность этой ситуации делала ее абсолютно для него невыносимой (Ducat 2006: 27).

моральная несостоятельность могла привести спартанца к исключению из числа ‘равных’ (Xen. *Lac. pol.* 10, 7) (Pechatnova 2019: 415–428).

Лишался ‘убоявшийся’ и уважения своих сограждан, причем даже тех, кто был младше его по возрасту. Так, по словам Ксенофонта, «и на улицах ему следует уступать дорогу и вставать со своих мест даже перед младшими» (*Lac. pol.* 9, 5). В Спарте такие перевернутые отношения, конечно, были редкостью. Известно, что спартанское общество было пропитано преувеличенным уважением и почтением к старшему возрасту (Pechatnova 2019a: 41–62). Так, Геродот хвалит спартанцев за то, что «при встрече со старцами юноши уступают дорогу, отходя в сторону, и при их приближении встают со своих мест» (II. 80; здесь и далее пер. Г. А. Стратановского). О том же свидетельствуют Ксенофонт (*Memorab*. III, 5, 15; *Lac. pol.* 10, 2), Плутарх (*Apophth. Lac.* 69, 60 = *Mor.* 235 f) и Цицерон (*De senect*. 6). Но в отношении трусов (и, добавим, холостяков) нарушались законы старшинства. При отсутствии в Спарте полноценной частной жизни и невозможности «удалиться от общества» подобные публичные унижения со стороны молодежи должны были восприниматься ‘убоявшимися’ очень болезненно.

Трус, вероятно, подвергался не только словесным оскорблениям, но и физическому насилию. Во всяком случае, так можно понять слова Ксенофонта, что «ему не следует прогуливаться с безмятежным видом или подражать людям безупречным, иначе его могут побить лучшие граждане» (Xen. *Lac. pol.* 9, 5). Применение физических наказаний в Спарте, видимо, было в порядке вещей. Во всяком случае, мальчиков и юношей в школах-агелах воспитывали в том числе и с помощью бичей, о чем Ксенофонт и Плутарх говорят без тени удивления (Xen. *Lac. pol.* 2, 2; 2, 9; 6, 2; Plut. *Lyc*. 17, 3; 18, 1). В Спарте при ее жесткой социально-возрастной иерархии были четко определены роли каждой возрастной группы. Дискриминационная политика в отношении молодежи, включающая в себя целый набор ограничений и наказаний, привела к тому, что младшие стремились поскорее избавиться от знаков своей принадлежности к самой низшей и бесправной группе в иерархии «равных» и перейти в следующую возрастную страту. ‘Убоявшийся’ же, наоборот, как бы покидал свой возрастной класс и приравнивался в общественном мнении к самым младшим.

Но все же самым серьезным наказанием для ‘убоявшегося’ было то, что его позор распространялся и на его семью. Вот как об этом говорит Ксенофонт: «Своих незамужних дочерей ему

приходится содержать дома, и он должен нести вину перед ними за то, что их не берут замуж; ему приходится мириться с тем, что очаг остается без жены и еще за это платить штраф» (Xen. *Lac. pol.* 9, 5). Этот текст вызывает ряд вопросов. Видимо, указание на содержание дочерей дома означает, что они лишались права посещать палестру (ср.: Eur. *Andr.* 595–602), участвовать во всякого рода общественных мероприятиях, включая атлетические и музыкальные состязания (Xen. *Lac. pol.* 1, 3–4), и оказывались тем самым по вине собственного отца в социальной изоляции. При высоком уровне социальной активности спартанских женщин запереть их дома было, вероятно, тягчайшим для них наказанием (Andreev 1995: 53).

Дочери ‘убоявшегося’ также не имели шанса выйти замуж за спартиата, поскольку вместе с отцом, ставшим ἄτιμος, оказались также частично пораженными в правах. Ни один полноправный граждан не взял бы себе жену из такой опозоренной семьи[4].

Лишался возможности ‘убоявшийся’ и жениться на девушке из приличной семьи, если он еще не был женат. Кроме Ксенофонта об этом упоминает и Плутарх. По его словам, в Спарте «считается позорным вступать с кем бы то ни было из них (‘убоявшихся’ — Л. П.) в родство по браку» (*Ages.* 30, 3). Мы полагаем, что если ‘убоявшийся’ уже имел жену, то она, вероятно, могла потребовать развод и оставить опозоренный дом. При отсутствии детей ‘убоявшийся’ должен был уплачивать штраф, видимо, за бездетность[5], и этот штраф уже являлся юридической реальностью (Ducat 2006: 22).

[4] Сколь сильным ударом для семьи было известие, что их родственник остался в живых после поражения, свидетельствует Плутарх, описавший обстановку в Спарте после известия о разгроме спартанцев в битве при Левктрах: «На следующее утро, когда всем уже стали известны имена погибших и уцелевших, отцы, родственники и близкие убитых сошлись на площади и с сияющими лицами, преисполненные гордостью и радостью приветствовали друг друга. Родственники же уцелевших, напротив, оставались вместе с женами дома, как бы находясь в трауре; и если кто-нибудь из них вынужден был выйти из дому, то по его внешнему виду, голосу и взгляду видно было, как велики его уныние и подавленность...» (*Ages.* 29, 4; здесь и далее пер. К. П. Ламсакова).

[5] Ксенофонт здесь, по-видимому, имеет в виду наказание за безбрачие (δίκη ἀγαμίου). О существовании подобных наказаний свидетельствует

Заканчивает Ксенофонт свой рассказ утверждением, что для труса смерть лучше «столь позорной и постыдной жизни» (Xen. *Lac. pol.* 9, 6). Ксенофонт полностью одобряет спартанские репрессалии, направленные против трусов, поскольку, по его словам, «трусы и малодушные предают целые города» (10, 6).

К довольно сдержанному описанию Ксенофонта Плутарх добавляет одну важную деталь, усиливающую зрительный образ ‘убоявшегося’. Эта деталь значительно повышала степень унижения и оскорбления, которому подвергался трус и, возможно, была для него самым позорным элементом из всего набора наказаний**.** По словам Плутарха, ‘убоявшиеся’ «обязаны ходить жалкими, неопрятными, в старом, потертом плаще с разноцветными заплатами и брить только полбороды» (*Ages*. 30, 3). Для спартанца было крайне оскорбительно показываться в таком шутовском наряде. Своим внешним видом он, видимо, должен был напоминать илота. Ведь илотам также было предписано носить определенную униформу (Myron. ap. Athen. XIV, 657 d).

Известно, что одежда является одним из наиболее важных каналов невербального общения, поскольку способна передавать информацию. В Спарте, где обычная одежда гражданина была исключительно скромной и неяркой, любые визуальные отклонения от нормы особенно бросались в глаза[6]. Как заметил Е. Дэвид, «случай с ‘*дрогнувшими*’ является отличным примером связи между одеждой, внешним видом и поведенческими ролями в спартанском обществе» (David 1989: 10).

К этой убогой и ветхой одежде, постыдной для любого спартиата, добавлялось чудовищное и оскорбительное требование — «брить только полбороды». Этот прием осмеяния, конеч-

---

стоик Аристон Хиосский (1-я пол. III в.) (Aristo ap. Stob. IV, 22, 16), чье сообщение почти дословно повторяет Плутарх (*Lys*. 30, 7).

[6] Идеи социального равенства в Спарте воплощались и во внешнем виде спартиатов. Известно, что царь Агесилай, например, в походе носил дешевый грубый плащ, не желая отличаться своей одеждой от собственных солдат (Plut. *Ages*. 36, 9). Это отсутствие внешних признаков для власть имущих — характерная черта общества, в котором граждане называли себя «равными» (οἱ ὅμοιοι) и где успешно и вовремя была осуществлена частичная аристократизация демоса. Отсутствие различий в одежде и прическе — один из элементов маскировки социальных и экономических различий в статусе и богатстве (David 2008: 140–143).

но, имел символическое значение[7]. Сама же практика полу бритья с целью кого-либо высмеять и унизить была известна во всем древнем мире. Как заметил Ж. Дюка, «в изобретении унижений изобретательность человеческих обществ не знает границ» (Ducat 2006: 19, 25).

Ксенофонт, а вслед за ним и Плутарх перечисляют по сути дела те блага, которых лишались ‘убоявшиеся’. Эти блага Ксенофонт определяет одним словом — τὰ καλά (*Lac. pol.* 3, 3), что в зависимости от контекста может означать и «высокие должности», и «почести», и «гражданские права». Но смысл этого слова все же шире всех этих понятий. Как отмечает Ж. Дюка, в Спарте τὰ καλά «заключало в себе все, что делает жизнь спартанского гражданина прекрасной… по умолчанию, в список τὰ καλά входят: посещение сисситий, спортивных площадок и спортивных игр, танцев, хоров, и наконец, уважение младших по возрасту» (Ducat 2006: 16).

Двусмысленность статуса ‘убоявшихся’ заключалась в том, что они не полностью лишались всех привилегий, предназначенных гражданам. Оставаясь интегрированными в сообщество, они в нем оказывались на ролях аутсайдеров, призванных напоминать молодежи, какая их ждет расплата за сохраненную в бою жизнь (Loreaux 1977: 112).

***

Трудно, а может быть и невозможно реконструировать ход развития института ‘дрогнувших’, поскольку почти полностью отсутствует предмет исследования. Ведь подробное перечисление наказаний, которому в Спарте подвергается трус, носит скорее отвлеченно-теоретический характер, поскольку сам Ксенофонт не упоминает ни одного конкретного случая применения закона о ‘дрогнувших’.

Собственно единственный конкретный пример реального наказания за трусость приводит только Геродот в своем

[7] В Спарте существовал регламент на то, как должна была выглядеть прическа, борода или усы у различных категорий населения и даже у различных возрастных групп (Xen. *Lac. Pol*. 11, 3; Plut. *Lyc*. 16, 11; 22, 2) (David 1992: 20–21). Строгие визуальные требования к внешнему виду граждан, скорее всего, были введены в сер. VI в. в связи с усилением эфората. Во всяком случае именно эфоры при вступлении в должность призывали граждан брить усы и подчиняться законам (Plut. *Cleom.* 9, 2–3).

рассказе об Аристодеме, вина которого заключалась в том, что он пережил поражение спартанцев в Фермопилах. И этот пример, на первый взгляд, очень странен. Аристодем и Еврит не должны были участвовать в битве из-за болезни глаз. Причем царь Леонид сам отпустил их из стана. Но, к несчастью для Аристодема, Еврит решил все-таки сражаться, хотя до места битвы его довел илот-поводырь. Он, естественно, как и все прочие спартиаты, погиб (VII, 229). Далее Геродот рассказывает как встретили Аристодема в Спарте: «По возвращении в Лакедемон Аристодема ожидал позор и бесчестие (ὄνειδός τε καὶ ἀτιμίην). Бесчестие состояло в том, что никто не зажигал ему огня и не разговаривал с ним, а позор — в том, что ему дали прозвание Аристодем-Трус» (VII, 231: ὄνειδος δὲ εἶχε ὁ τρέσας Ἀριστόδημος καλεόμενος). «Впрочем, — добавляет Геродот, — в битве при Платеях Аристодему удалось совершенно загладить тяготевшее над ним позорное обвинение» (VII, 232).

Краткая реплика Геродота о сущности наказания Аристодема не очень информативна и оставляет ряд вопросов. Понятно, что общество осудило Аристодема и только проявленный им впоследствии героизм спас от позора как его самого, так и его семью. Но был ли он подвергнут правильному суду и лишился ли он части прав в судебном порядке, став официально ἄτιμος ? Это не ясно. Возможно, никакого суда не было. Так думает, в частности, Эфраим Дэвид, посвятивший серию статей внешним проявлениям спартанской мужественности. По его мнению, Аристодема не судили и de jure он не стал ‘дрогнувшим’. В его случае ὁ τρέσας — своего рода прозвище, данное Аристодему, а вовсе не юридический термин (David 1989a: 15 n. 80).

Из свидетельства Геродота можно понять, что Аристодем подвергся настоящей травле. Его никто не пускал к себе на порог, с ним никто не разговаривал, а любое его появление в общественных местах сопровождалось насмешками и оскорблениями. Даже молодые люди могли себе позволить открыто называть Аристодема трусом, тем самым демонстрируя свое превосходство над ним.

Тем не менее, вскоре Аристодему позволили участвовать в Платейском сражении (479). Это означает, что он оставался военнообязанным и не потерял гражданские права. Поскольку никакого суда, вероятно, не было, то весь комплекс наказаний,

применяемых к Аристодему, носил, скорее всего, характер социальной изоляции, в осуществлении которой добровольно участвовал любой желающий.

Геродот упоминает еще одного воина Леонида, оставшегося в живых после Фермопил. Правда делает это как-то неуверенно, начиная свой рассказ о Пантите с выражения «рассказывают, впрочем…» (λέγεται δὲ καὶ…) и далее ограничивается очень скудной информацией. Хотя Пантит не участвовал в сражении на совершенно законном основании (он был послан Леонидом в Фессалию с каким-то поручением), это не спасло его от бесчестия и позора по возвращении домой. Кампания по осмеянию Пантита, видимо, была настолько жестокой, что он не выдержал позора и повесился (VII, 232). Пантит был явно доведен до самоубийства и, по словам Э. Дэвида, это «самый крайний пример жестокости, на которое догматическое общество было способно» (David 2004: 28).

Самоубийство Пантита через повешение (ἀπάγξασθαι) — единственный случай подобного самоубийства в Спарте. Э. Дэвид высказывает предположение, что «в случае с Пантитом сообщение о modus moriendi могло быть интегральной частью компании по осмеянию (продолжающейся даже post mortem)» (David 2004: 33).

Возникает вопрос, почему с этими двумя воинами, которые даже не участвовали в сражении, поступили так жестоко. Так, Геродот утверждает, что ни один спартанец не должен был разговаривать с Аристодемом (VII, 231). Возможный ответ предлагает Э. Пауэлл. По его мнению, мораторий на общение с выжившими объяснялся тем, что те, как живые свидетели, могли помешать созданию мифа о Фермопилах, который стимулировал бы спартанцев проявлять храбрость, предпочитая смерть позорной жизни (Powell 2018: 24). О том, насколько успешной оказалась эта пропаганда, свидетельствует Фукидид. Историк говорит об убежденности всех греков в том, что спартанцы скорее «умрут с оружием в руках, сражаясь до последней возможности», чем сдадутся (IV, 40, 1)

***

Но если трусость проявлял не один или два человека, а значительное число граждан, то наказание было менее суровым и более формальным или дело заканчивалось вообще полной

реабилитацией виновных. Так, к ста двадцати воинам, сдавшимся в плен на острове Сфактерия (425 до н. э.), было нереально применить те же санкции, которым подвергся Аристодем. Поэтому их сперва приговорили к частичной атимии, а затем и вовсе восстановили в гражданских правах (Thuc. V, 34, 2).

Фукидид объясняет, в чем конкретно заключалась частичная атимия, к которой были приговорены спартанцы, сдавшиеся афинянам на Сфактерии и вернувшиеся в Спарту из афинского плена после заключения Никиева мира в 421 г.: «Пленных спартиатов, сложивших на острове оружие, лакедемоняне лишили некоторых гражданских прав, права занимать общественные должности (хотя некоторые из этих людей уже эти должности занимали) и права покупки и продажи…» (V, 34, 2; здесь и далее пер. Г. А. Стратановского).

Уровень их атимии был явно ниже того уровня, о котором рассказывает Ксенофонт в своем общем описании института ‘дрогнувших’. Но в нем было два очень болезненных для ‘дрогнувших’ пункта. Первый пункт заключался в лишении их права становиться магистратами в будущем и отстранение их от должностей, уже ими занимаемых (ср.: Xen. *Lac. pol.* 9, 4).

Второй пункт носил экономический характер и заключался в лишении права совершать любые трансакции со своими активами. Это означает, что собственно конфискации имущества не было, но ‘дрогнувших’ лишили права им управлять. Из этого сообщения Фукидида, кстати, следует, что спартанцы имели право совершать коммерческие трансакции и, вероятно, совершали их. Ж. Дюка полагает, что главной целью этой меры было помешать ‘убоявшимся’ покинуть Спарту и уйти в изгнание. Без реализации своих активов сделать это было бы весьма затруднительно (Ducat 2006: 32).

Но даже такое, не слишком суровое наказание, наложенное на бывших пленников, не было продолжительным. По словам Фукидида, спустя какое-то время они снова стали полноправными (ὕστερον δὲ αὖθις χρόνῳ ἐπίτιμοι ἐγένοντο) (V, 34, 2). Скорую реабилитацию их Фукидид считает превентивной мерой, вызванной опасением властей, как бы такая большая группа пораженных в правах граждан, боясь полной потери гражданских прав, не прибегла бы к государственному перево-

роту (νεωτερίσωσιν)[8]. Это опасение, вероятно, было отнюдь не беспочвенным. Ведь среди бывших пленников, по свидетельству Фукидида, «были знатнейшие спартиаты (ἦσαν γὰρ οἱ Σπαρτιᾶται αὐτῶν πρῶτοι), связанные родством с первыми людьми в государстве» (V, 15, 1). При такой расстановке сил их бунт мог привести к непредсказуемым последствиям и поколебать внутреннее равновесие спартанского государства.

Другим соображением, толкавшим власти в сторону их коллективной реабилитации, было опасение лишиться большой группы полноправных граждан. При уже набиравшей ход *олигантропии*[9] (Doran 2018: 1–106) подобная потеря могла казаться крайне нежелательной[10].

Санкции в отношении этой группы ‘дрогнувших’, видимо, носили скорее формальный характер и оказались ограниченными по времени. Важно отметить, что главное в этой истории заключается не столько во временном понижении статуса ста двадцати бывших пленников, сколько в их скорой и окончательной реинтеграции в гражданский коллектив (Loreaux 1977: 112).

***

Еще один случай массового проявления трусости имел место в 371 г. и связан был с поражением спартанцев в битве при Левктрах. Ни Ксенофонт, современник этих событий, ни Диодор ни слова не говорят о судьбе спартанских воинов, оставшихся в живых. Молчание Ксенофонта не удивляет: все, что касается Левктр, им представлено крайне однобоко и фрагментарно. Темы ‘убоявшихся’ касается только Плутарх.

[8] А то, что в Спарте это был вполне реальный вариант развития событий, доказывает заговор Кинадона, случившийся два десятилетия спустя (398 г. до н. э.). Руководители заговора как раз относились к спартанцам, не принадлежавшим к числу «равных» (Pechatnova 2020: 476–493).

[9] Аристотель назвал эту демографическую проблему ὀλιγανθρωπία, что означает «малолюдность» (*Pol.* II, 1270 a–b). Этот термин до сих пор используется учеными-классиками для обозначения чисто спартанского явления. За полтора века, с начала V и до сер. IV, количество граждан призывного возраста сократилось с 10 тысяч до 1 тысячи (Her. VII, 234; Arist. *Pol.* II, 1270 a).

[10] При том что мы не знаем, что стало для спартанских властей главным аргументом реабилитации бывших пленников (Ср.: Cartledge, Debnar 2006: 567–568).

Правда, его рассказ напоминает исторический анекдот, который приводится только ради того, чтобы в очередной раз подчеркнуть мудрость и авторитет Агесилая. Но в данном случае важны не акценты. За сообщением Плутарха, бесспорно, скрывается историческая реальность: действительно, из 700 спартиатов в сражении пало 400, а остальные триста должны были обрести статус ‘убоявшихся’.

Спартанское правительство оказалось перед трудным выбором: прибегнуть ли к положенной по закону атимии или вопреки закону всех амнистировать. Первоначально обсуждение, видимо, шло в герусии и эфорате, а окончательное решение уже принималось в спартанском народном собрании. Во всяком случае Плутарх говорит в одном месте, что Агесилай пришел «к народу лакедемонян» (εἰς τὸ πλῆθος τῶν Λακεδαιμονίων) (*Ages*. 30, 6), а в другом — «на площадь народного собрания» (εἰς τὸ δημόσιον) (*Mor*. 214 b) и действовал там решительно, будучи наделен эфорами полномочиями номофета **(***Mor*. 214 b; *Ages*. 30, 5: νομοθέτην αἱροῦνται τὸν Ἀγησίλαον). Это место очень странное, поскольку больше нигде о спартанских номофетах упоминаний нет. Плутарх и в «Агесилае», и в «Лаконских изречениях» (*Mor*. 214 b) приводит краткую речь, с которой царь обратился к народу: «Итак, он (Агесилай — *Л. П.*), никоим образом не добавляя, не убавляя и не изменяя существующих порядков, предстал перед лакедемонянами и сказал им, что сегодня они должны оставить законы в покое (τοὺς νόμους δεῖ σήμερον ἐᾶν καθεύδειν — досл. «нужно позволить сегодня законам спать»), чтобы с завтрашнего дня они были наделены всей своей силой на оставшееся время» (*Ages*. 30, 6). Эта реплика Агесилая идеально соответствует стилю Феопомпа, чьими трудами Плутарх активно пользовался при написании своих биографий (Ducat 2006: 42).

Согласно Плутарху, Агесилай смог убедить апеллу и эфоров наложить временный мораторий на закон о трусах, ссылаясь на то, что ‘убоявшихся’ оказалось слишком много (Plut. *Ages*. 30, 6; *Mor*. 191 b–c; Polyaen. II, 1, 13). Но для нас не так уж важно, действительно ли Агесилаю принадлежала главная роль в истории с амнистией или это очередной анекдот. В любом случае, у спартанского правительства не было иного выхода, чем оставить всех ‘убоявшихся’ безнаказанными. И причин тут было две. О них вполне определенно говорит Плутарх, и они те же,

что и в случае со 120 спартиатами, плененными на Сфактерии.

Во-первых, осуждение такой массы спартиатов, среди которых было немало влиятельных людей (δυνατοί), могло подвигнуть их к восстанию (νεωτερισμός), а во-вторых, государство просто не могло позволить себе роскошь лишиться чуть ли не половины граждан, принадлежавших к основным призывным возрастам. Плутарх, рассказывая о панике, начавшейся в Спарте при приближении Эпаминонда, указывает на почти полное отсутствие защитников в городе (Mor. 214 c). Действительно, в 371 г. спартиатов было намного меньше, чем в 421 г.[11]

Причины отказа от наказания, приводимые Плутархом, отнюдь не оригинальны. Они в точности повторяют аргументацию Фукидида (V, 34, 2).

***

Последнее историческое событие, в котором речь идет о наказании за трусость (вернее, об отсутствии этого наказания), относится к 331 г. Диодор в своем рассказе о сражении при Мегалополе против македонян, возглавляемых Антипатром, сообщает, что спартанцы выступили все поголовно (πανδημεί). Царь Агис, стоявший во главе объединённого войска пелопоннесцев, погиб, но перед гибелью, видя уже неминуемое поражение, якобы «приказал оставшимся в живых воинам отступать как можно быстрее и спасать себя на пользу отчизне» (Diod. XVII, 63, 4). Этой благостной картины в духе обычной спартанской пропаганды нет у Курция Руфа (VI, 1, 11–16). Тот просто сообщает о гибели царя и бегстве остатков его войска. Согласно Диодору, лакедемонян и союзников погибло более пяти тысяч трехсот человек (XVII, 63, 3). Сколько из этого числа пало

[11] Потеря в этой битве четырехсот спартиатов, по словам Ксенофонта (*Hell*. VI, 4, 15), оказалась таким тяжелым ударом, что Спарта так никогда и не смогла от него оправиться. Ему вторит Аристотель, утверждавший, что «одного вражеского удара государство не могло вынести и погибло именно из-за малолюдства» (*Pol*. II, 1270 a). В его время Спарта не могла выставить и тысячи гоплитов (II, 1270 a). Ксенофонт называет Спарту одним из самых малонаселенных государств (*Lac. pol.* 1, 1). Сразу после Левктр была проведена тотальная мобилизация: призвали на военную службу спартиатов в возрасте от 55 до 60 лет, а также всех магистратов, способных носить оружие (Xen. *Hell.* VI, 4, 17). Это был последний резерв полноправных граждан Спарты.

спартиатов, неизвестно, но, вероятно, их потери исчислялись сотнями. Для Спарты это был колоссальный удар. Она потеряла и большую часть гражданского ополчения, и самого царя. Так что не удивительно, что на этот раз, видимо, было принято поспешное решение не применять наказание к спартанским воинам, бежавшим с поля. Власти даже не сделали попытку как-то прилично обставить это решение, как в случае с Левктрами, когда был введен мораторий. Вот как об этом сообщает Диодор: «Ибо когда лакедемоняне после сражения с Антипатром освободили от атимии (ἀπολυόντων τῆς ἀτιμίας) оставшихся в живых после поражения, он (Акротат — *Л. П.*) единственный возражал против этого решения» (XIX, 70, 5; пер. Л. Г Печатновой). Не касаясь причин выступления Акротата, отметим, что декрет, вероятно, принимался в народном собрании, а не в узком кругу геронтов и эфоров, составлявших правительство Спарты.

Важно отметить, что во всех известных нам случаях решение о применении или не применении *атимии* по отношению к ‘дрогнувшим’ принималось в спартанской апелле и было результатом публичного обсуждения (Ducat 2006: 44). Ведь судьба такого большого количества ‘дрогнувших’ затрагивала интересы практически всего гражданского населения. Поэтому вопрос о наказании их принимался не кулуарно, в суде, состоявшем из эфоров и геронтов, а открыто, в народном собрании.

* * *

В заключение хочется отметить несколько моментов.

Наш основной источник, где перечислены наказания за трусость — это «Лакедемонская полития» Ксенофонта, являющаяся евлогией спартанского общества. В «Политии» пропущены важные детали, например, не упоминаются многие исторические фигуры и исторические события. Не приводит Ксенофонт и имен спартиатов, которые были бы наказаны за трусость.

Отчасти этот недостаток данных восполняют сведения, сообщаемые Геродотом и Фукидидом, а также Плутархом и Диодором. При этом только Геродот рассказывает о реальном наказании для спартиатов, оставшихся в живых из трехсот героев Фермопил.

Остальные три случая лежат совсем в другой плоскости: там

речь идет не столько о наказании, сколько об оправдании. Они показывают, что при массовом проявлении трусости спартанцы предпочитали всех ‘убоявшихся’ реабилитировать.

Столь малое число свидетельств применения или, наоборот, отказа применять атимию в отношении ‘убоявшихся’ (всего четыре за полтора столетия) показывает, насколько скудна наша источниковая база и сколько вопросов остается к исторической реальности. В V в. применение закона об ‘убоявшихся’ засвидетельствовано только в двух случаях, каждый из которых по-своему крайний и ни один не соответствует полностью описанию, данному Ксенофонтом. В IV в. о наказании больше говорят, чем применяют его, т. е. по сути дела решают, как лучше всего его избежать (Ducat 2006: 47).

В любом случае после изучения немногочисленных источников создаётся впечатление, что наказание для ‘дрогнувших’ не было постоянной величиной. Видимо, прав Ж. Дюка, по мнению которого существовал целы арсенал мер, из числа которых граждане в апелле каждый раз делали свой выбор (Ducat 2006: 45).

Видимо, система наказаний, применяемая к ‘дрогнувшим’ в том виде, как она описана Ксенофонтом, никогда на практике не применялась. Спартанцы, а вслед за ними и Ксенофонт желаемое выдавали за действительное. Это то, что хотела предъявить внешнему миру спартанская пропаганда. В реальной жизни к трусам, конечно, применяли те или иные наказания, но очень осторожно и избирательно, сообразуясь с обстоятельствами и особенно с численностью ‘убоявшихся’. За коллективное проявление трусости не наказывали. На примере ‘дрогнувших’ видно, насколько действительность не совпадала со спартанским мифом, созданным внутри Спарты и подхваченным лаконофилами, наподобие Крития или Ксенофонта, о готовности спартанцев умереть, сражаясь за родину.

Литература

Andreev, Yu. V. 1995: [Spartan Gynecocracy]. In: *Zhenshhiny v antichnom mire* [*Woman in the ancient world*]. Moscow: Nauka.
Андреев, Ю. В. 1995: Спартанская гинекократия. В сб.: *Женщина в античном мире.* Сб. статей. М.: Наука, 1995. С. 44–63.

Cartledge, P., Debnar**,** P. 2006: Sparta and the Spartans in Thucydides. In: A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.). *Brill’s Companion to Thucydides.* Leiden; Boston, 559–589.

David, E. 1989: Dress in Spartan Society. *Ancient World* 19, 3–13.
David, E. 1989a: Laughter in Spartan Society. In: A. Powell, P. Cartledge (eds.). *Classical Sparta: techniques behind her succes.* London: Routledge, 1–26.
David, E. 1992: Spartan’social hair. *Eranos* 90, 1–21.
David, E. 2004: Suicide in Spartan society. In: Th. Figueira (ed.). *Spartan Society.*Swansea, 25–47.
David, E. 2008: Sparta and the Politics of Nudity. In: A. Powell, St. Hodkinson (eds.). *Sparta: The Body Politic.* Swansea: The Classical Press of Wales, 137–163.
Doran, T. 2018: *Spartan Oliganthropia.* Leiden: Brill.
Ducat, J. 2006: The Spartan ‘Tremblers’. In: St. Hodkinson, A. Powell (eds.). *Sparta and War.* Swansea: The Classical Press of Wales, 1–57.
Ehrenrerg, V. 1937: s. v. Tresantes. In: *RE.* VI A 2. 2292–2297.
Loreaux, N. 1977: La Belle Mort Spartiate. *Ktema* 2, 105–120.
Pechatnova, L. G. 2019: Die *Hypomeiones* in Sparta. *Studia Antiqua et Archaeologica.* 25, 2. 415–428.
Pechatnova, L. G. 2019 a: [Gerousia and the phenomenon of Spartan gerontocracy]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [*Mnemon. Investigations and Publications on the History of the Ancient World*] 19, 1. 41–62.
Печатнова, Л. Г. 2019 а: Герусия и феномен спартанской геронтократии. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 19, 1. 41–62.
Pechatnova, L. G. 2020: [*History of Sparta. Archaic and classical period*] 2nd ed. Saint Petersburg: Humanitarian Academy.
Печатнова, Л. Г. 2020: *История Спарты. Период архаики и классики*. Изд. 2-е. СПб.: Гуманитарная Академия.
Powell, A. 2001: *Athens and Sparta. Constructing Greek Political and Social History from 478 BC.* 2nd ed. London; New York: Routledge. 238–241.
Powell, A. 2018: Sparta. Reconstructing History from Secrecy, Lies and Myth. In: A. Powell (ed.). *A Companion to Sparta* I**.** Hoboken, 3-28.